

Островок счастья

ЛАРИСА РАЙТ

ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ – СЕМЬЯ

Готовых рецептов семейного счастья нет и быть не может. Однако книги Ларисы Райт открывают перед читателем множество вариантов построения счастливой семьи. Герои романов Райт совершают ошибки, ссорятся, обижаются, но при этом продолжают любить. Каждая такая история делает нас немного мудрее.

Серия
«За чужими окнами»

Мария МЕТЛИЦКАЯ

«В книгах Марии Метлицкой яркие характеры, нетривиальные повороты сюжетов, тонкий юмор. Для меня не существует писателей начинающих и продолжающих. Писатель — или он есть, или его нет. Мария Метлицкая — есть».

Виктория Токарева

Читайте в серии
«Дочки-матери.
Проза Татьяны Булатовой»:

Мама мыла раму

Счастливо оставаться!

Дай на прощанье обещанье

Ох уж эта Люся

Бери и помни

Да. Нет. Не знаю

Три женщины
одного мужчины

Не девушка, а крем-брюле

Татьяна БУЛАТОВА

*Не девушка,
а крем-брюле*

Москва
2015

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Б90

Оформление серии *А. Старикова*

Издание осуществлено при содействии
литературного агента *Н.Я. Заблоцкиса*

Булатова, Татьяна.

Б90 Не девушка, а крем-брюле / Татьяна Булатова. —
Москва : Издательство «Э», 2015. — 352 с.— (Дочки-ма-
тери. Проза Татьяны Булатовой).

ISBN 978-5-699-83807-3

Все девочки верят в Прекрасного Принца. Потом они
вырастают и понимают, что принцы бывают только в сказках.
Но Василиса, которую жестокие одноклассники дразнили
Периной, точно знала, что принцы существуют. Ее, во всяком
случае, Принц ждет и непременно дождетя, ведь он обещал,
что, когда она вырастет, он обязательно ее найдет и женится
на ней. У этого Принца не было белого коня, белого плаща и
прочих атрибутов сказочного героя. Но парень в спортивной
майке был таким обаятельным и говорил так уверенно, что
Василиса ему поверила.

Шли годы. Подружки выходили замуж, рожали детей,
влюблялись и расставались, а Василиса просто спокойно
жила, не сомневаясь, что каждый прожитый день — шаг на-
встречу к нему.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-83807-3

© Федорова Т. Н., 2015
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2015

Вто, что судьба существует, Василиса верила безоговорочно. Потому что ничем другим объяснить то, что произошло с ней, просто невозможно. Откуда бы тогда взялись солнечный полдень, пустой трамвай и веселый длинноволосый парень в белой футболке с надписью «Спартак»? «По-моему, была еще мама», — вспоминала Василиса и с усердием сдвигала свои бесцветные брови.

— Альбинос? — с сочувствием спрашивали ее родители.

— Сами вы альбинос! — обижались они и от всего сердца хватали дочь за руку, чтобы не исчезла в воздухе, вся такая беленькая. И только тот веселый и длинноволосый из пустого трамвая, катившего в солнечном полдне, произнес, расплывшись в щедрой улыбке, неопишное по своей красоте и загадочности слово «КРЕМ-БРЮЛЕ».

От счастья девочка ткнулась белой головой в цветастый материнский бок и замерла.

— Стесняется, — объяснила Василисина мама и пошла красными пятнами от радостного волнения, потому что впервые никакой не альбинос, а благородное крем-брюле.

— Эх! — признался длинноволосый. — Жалко, маленькая! А то бы женился!

Татьяна Булатова

— Я не маленькая, — пробурчала Василиса и выглянула из укрытия.

— Маленькая, — вмешалась мама и безуспешно попыталась усадить дочь на лакированное красное сиденье.

— А она вырастет, — вступился за будущую невесту длинноволосый и, присев на корточки, взял девочку за пухлую влажную ручку.

— Расти быстрее, крем-брюле! — всерьез попросил он Василису. — А потом я тебя найду и женюсь. Ладно?

— Ладно, — шепотом пообещала девочка и подняла глаза.

— Вот и договорились, — улыбнулся попутчик и, поцеловав Василису в макушку, выскользнул в разъехавшиеся со скрипом трамвайные двери на следующей остановке.

— Ушел, — чуть не заплакала девочка и забралась с ногами на красное пышущее жаром сиденье.

— Опустит ноги, — буднично произнесла мама и, не проверив, прислушалась ли дочь к замечанию, стала смотреть в окно и думать про свою личную жизнь с грустью. Ей было уже тридцать пять лет, муж любил ее раз в неделю, по субботам, и даже иногда обещал сводить в театр. Но как только наступало воскресенье, он благополучно забывал об этом. Не до того: впереди рабочая неделя, нужно отдохнуть. И уж точно не в театре, а по-простому, как привыкли, у телевизора или на природе, с удочкой.

— Не выходи замуж, Васька, — в сердцах посоветовала она дочери и чуть не заплакала от обиды.

— Почему? — удивилась та, пытаясь разгля-

Не девушка, а крем-брюле

деть за мутным трамвайным окном своего нареченного. И мать не нашлась, что ответить. И ушла в другой конец вагона, чтобы посидеть в одиночестве и подумать о жизни. Так они и ехали еще две остановки отдельно друг от друга, мать и дочь, залитые солнцем, в лучах которого плавала серебристая пыльная взвесь.

А потом на рыночной площади в вагон вошли пассажиры. Много пассажиров. Набились, как цветные карандаши в узкий пенал. И особо нервные с осуждением смотрели на сидевшую у окна на отдельном красном сиденье белую девочку, похожую на альбиноса. И мать быстро почувствовала негодование пассажиров в адрес дочери и пробралась к своему сокровищу, чтобы закрыть его от недоброжелательных глаз цветастой спиной. Так они и протомились, сросшись телами, еще пять длинных остановок, чтобы потом вместе выйти в измученный летней жарой мир, посреди которого сиротливо торчал киоск с надписью «МОРОЖЕНОЕ».

— Хочешь? — вяло предложила Василисе мама, прижимая к груди сплетенную из искусственной оранжевой соломки сумочку.

— Хочу, — вяло ответила девочка.

— Пломбир или крем-брюле? — поинтересовалась из окошечка продавщица, хлопнув целлюлоидными веками, покрытыми плотным слоем синих, под цвет киоска, теней.

Услышав заветное «или крем-брюле», Василиса с мольбой посмотрела на утомленную мать и чуть слышно произнесла:

— Крем-брюле.

Татьяна Булатова

— А мне — шоколадное, — высказала свое пожелание грустная мама, и ее тут же обдало жаркой волной возмущения.

— Или пломбир, — пронзила ее продавщица гневным взглядом, — или крем-брюле!

— Тогда — пломбир, — послушно согласилась Василисина мама и достала из плетеной сумочки точно такой же плетеный кошелечек.

— Макраме? — поинтересовалась продавщица и сначала протянула Василисе обещанное крем-брюле.

— Наверное, — проямлила не посвященная в тайны ремесла мама.

— Натe, — продавщица, моментально потеряв интерес, выдала сдачу и положила на растрескавшуюся тарелку завернутый в специальную бумажку пломбир.

— Спасибо, — еле выговорила Василисина мама и через пару шагов выбросила мороженое в урну.

— Надо было брать крем-брюле, — девочка с наслаждением лизнула замороженный «гриб», отчего на шляпке осталась бежевая лакированная полоса. — Вкусно!

— Вот и хорошо, — печально вздохнула мама и стала смотреть в зеленую даль аллеи: все лавочки были заняты.

И тогда Василиса забежала вперед и протянула матери оплывающий на жарe гриб:

— Хочешь?

— Нет.

— Крем-брюле, — продолжала соблазнять Василиса, в упор глядя на цветастый материнский живот.

Не девушка, а крем-брюле

— Идем, крем-брюле, — улыбнулась дочери тогда еще молодая женщина и стремительно зашагала в сторону проглядывавших сквозь пыльную летнюю зелень новостроек.

И Василиса вприпрыжку побежала за ней, на ходу облизывая свой драгоценный «гриб», катастрофически уменьшающийся в размерах. Правда, по пути она еще несколько раз останавливалась, как только ее взгляд наткнулся на кого-то, кто внешне напоминал ей того длинноволосого в футболке. И хотя сердце ее предательски екало, проваливаясь в живот, наполненный сладостью, Василиса тем не менее мужественно переносила свои маленькие разочарования, потому что была умной девочкой и точно знала: от судьбы не уйдешь. Именно поэтому она с наслаждением доела мороженое и, преисполнившись лучших предчувствий, помчалась догонять мать, дав себе слово хранить верность возлюбленному из залитого солнцем трамвая.

С того незапамятного летнего дня верность стала отличительной чертой характера Василисы Ладовой. Она была верна родителям, музыкальным кумирам, нескольким киноактерам и будущей профессии, выбор которой состоялся сразу же, как только выяснилось, что крем-брюле — это знаменитый десерт, а не только название мороженого или зефира.

— Кем ты хочешь стать? — снисходительно интересовались взрослые, заранее зная примерный перечень ответов: «врачом», «учителем», «певицей» и т.д. И никто из них не был готов к тому, что изрекала пухлая белоголовая второклассница

Татьяна Булатова

Василиса Ладова, светло-серые глаза которой смотрели на мир серьезно и строго.

— Кем-кем? — переспрашивали взрослые и бросали беспомощные взгляды на родителей Василисы.

— Кондитером, — терпеливо повторяла она бестолковым взрослым и представляла, как запишет в заповедный лакированный блокнот очередной кулинарный рецепт.

В этот момент в воздухе всегда провисала неловкая пауза, потому что взрослые, как по команде, замирали. Слово «кондитер» в их консервативном сознании рождало стремительный поток вызывающих интенсивное слюноотделение образов, в результате чего перед глазами всплывало натуралистичное изображение трехэтажного торта, увенчанного огромной масляной розой, вокруг которой причудливо завивались белые кремовые вензеля.

«Сладкая женщина!» — многозначительно улыбаясь, перешептывались родительские гости и не притворно ахали, когда повзрослевшая Василиса на вытянутых руках вносила в комнату очередное произведение кондитерского искусства, призванное стать украшением стола.

— Быть тебе поваром, Васька! — гордо кричал отец, а мать строго исправляла главу семейства:

— Не поваром, Юра, а кондитером.

— Какая, хрен, разница, Галя! — пожимал плечами растроганный папаша и тянул к дочери масляные губы. — Дай поцелую!

Василиса, смущаясь, подставляла отцу щеку и торопилась оставить взрослых наедине со своим рукотворным сооружением.

Не девушка, а крем-брюле

Поступательное движение Василисы Ладовой к кондитерскому олимпу способствовало тому, что в ее родственно-дружеском окружении сформировалось стойкое убеждение: лучший подарок для полной девушки с белыми бровями — это книга о вкусной и здоровой пище или что-нибудь «сладенькое»: торт, конфеты, пирожные. Василиса к такому положению дел привыкла и с легкомысленным пристрастием продолжала пробовать на вкус все, что приносилось на алтарь будущей профессии, мечта о которой вдребезги разбилась о камни суровой действительности.

— Значит, судьба! — потупившись, сделала вывод Галина Семеновна Ладова, когда ее дочь Василиса в подарок на шестнадцатилетие получила два торта от друзей семьи, два — от бестактных родственников и один — от равнодушных к ее судьбе одноклассников. Итого — пять.

— Что ты будешь с ними делать? — неосознанно подлила масла в огонь Василисина мама и застыла возле косяка, внимательно наблюдая за дочерью.

— А что с ними делать? — искренне удивился добродушный отец семейства и достал ложку, чтобы отведать даров.

— Что, Юра, все пять? — уточнила его супруга и чуть не расплакалась, почувствовав, как сжалось от обиды нежное сердце ее дочери.

— Нет, Галя, пять не смогу, — отказался Юрий Васильевич и воткнул ложку в один из тортов. — Может, соседям раздать? Или на работу? Чё добро пропадать будет?

— Не надо, — всхлипнула обычно сдержанная именинница и, распахнув окно, один за другим

Татьяна Булатова

выбросила с третьего этажа все пять тортов, даже не удосужившись вынуть из самого маленького мельхиоровую ложку.

— Васька! — всплеснула руками мать и попыталась обнять значительно превосходящую размерами дочку, но не успела, та спешно ретировалась в комнату, где проревела полночи. Утром к родителям вышел совсем другой человек. Настолько другой, что Галина Семеновна на секунду поверила в переселение душ, ибо перед ней предстала ее собственная, уже покойная, учительница начальных классов по имени Нонна Сергеевна и строго сказала: «Все, хватит. Будем менять профессию. Будем менять жизнь. В конце-то концов, человек — сам кузнец своего счастья». — «Так точно!» — по-военному рявкнул Юрий Васильевич Ладов, напуганный произошедшими в дочери переменами.

— Буду врачом, — сообщила родителям Василиса. — Психиатром, — она на секунду задумалась, а потом добавила: — Или диетологом.

Галина Семеновна хотела было спросить про кондитера, но, смущенная мистическим присутствием духа первой учительницы, промолчала.

В школе известие о том, что Василиса Ладова предала профессию кондитера, было встречено без энтузиазма.

— Ты что, Ладова?! — возмутилась классная руководительница, учительница русского языка и литературы, и, облизнув губы, зашипела: — С ума сошла? За месяц до экзаменов! Мы уже все десятые укомплектовали. Мест больше нет. Ищи другую школу.